

18+

Атман Флек

Утудус.
Книга 2/1.
Земля 18

Часть 1. Начало

Атман Флек Атман Флек

**Утудус. Книга 2/1.
Земля 18. Часть 1. Начало**

«Издательские решения»

Атман Флек А.

Утудус. Книга 2/1. Земля 18. Часть 1. Начало / А. Атман Флек —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-621340-1

Что есть Земля? Космическое тело в бесконечном пространстве? Что есть зарождение жизни? Случайный химический процесс, в глубинах и недрах этого космического тела? Что есть развитие и последующее угасание жизни? Сочетание множества кусочков эволюционного пазла, и разрушение его под слоями песка времени? Что есть Я? Волна, сотканная из частиц, мчащиеся с огромной скоростью к источнику осознания?

ISBN 978-5-00-621340-1

© Атман Флек А.
© Издательские решения

Содержание

Утудус	6
Часть 1. Прошлое	7
Глава 1. Время до разума. Земля	7
Глава 2. Междуречье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Утудус. Книга 2/1. Земля 18

Часть 1. Начало

Атман Флек

Благодарности:

Дмитрий Михайлович Иванов

© Атман Флек, 2024

ISBN 978-5-0062-1340-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-1341-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утудус
КНИГА 2. Земля 18

Часть 1. Прошлое

*Посередине Дзи
Зима была бессменна,
И неподвижно
Замер центр вселенной.
С движеньем
Животворного начала
Явление жизни
Вэй знаменовало.
У Чен-Энь. Путешествие на запад*

Глава 1. Время до разума. Земля

Белая звезда, именуемая Солнцем, уже несколько миллиардов лет посылает свои лучи на поверхность одной удивительной планеты. Она была сформирована с точностью объема и расстояния от материнской звезды, ее движение по своей орбите и вращение по своей оси были геометрически рассчитаны многочисленными событиями от катастрофического столкновения с планетой Тейя, которое впоследствии привело к увеличению вращения Земли и сформировало спутник, именуемый Луной. Ее гравитационное притяжение стабилизирует вращение для создания жизни.

Затвердевает поверхность планеты, и появляются океаны, по берегам образовывается химический состав сульфида железа, который, в свою очередь, побуждает появление саморазвивающихся молекул РНК.

Первый штрих на этой картине уже нанесен, скоро он наполняется множеством всеобъемлющих мазков с огромной световой гаммой и формами в виде растений и многоклеточных животных, появляющихся от себе подобных, живущих в одном моменте, движимых несколькими инстинктами, которые побуждают их выживать и приносить потомство в этих сложных условиях.

И вот солнечный луч, упавший на существо, которое замерло, будто застыл на нем. Высунув голову из-под воды, оно наблюдает за новым миром, оно и его сородичи уже делали это и раньше. Но теперь оно не отрывает взгляда от этого серого расплывчатого места, где его дыхательные органы эволюция уже приспособила под новую среду. Движение объектов формирует более четкую картину, вырисовывая сливающиеся между собой линии. И вот шаг за шагом четырех конечностей выносят существо на сушу, где сама твердая поверхность контактирует с лучами, которые прогревают его холодное тело, а влага с поверхности его кожи впервые испаряется. Веки периодически закрываются от яркого света, и то тепло, что послано свыше, создает новый комфорт для существования здесь. Скоро множество сородичей существа выйдут на поверхность и постепенно осваивают ее, углубляясь все дальше от родной стихии.

Эти маленькие боязливые шаги, прокладываемые в направлении еще нестабильной тверди молодой планеты, что несет вымирание в девонском периоде многочисленной уже сформировавшейся флоры и фауны. Но это всего лишь маленький виток спирали жизни в цикличности эр. За ним следует новое развитие, старое заменяется новым, более продуктивным и более приспособленными видами. Насекомые воспарили в воздух, растения заполнили и озеленили континенты, насыщая планету кислородом, где многие виды животных достигли колоссальных размеров; сотрясая землю, они поедали эти растения, которые устремлялись высоко ввысь, создавая густые леса. Одни из-за своей массы находились в воде, чтобы облегчить

свои тела, другие двигались с большой скоростью между деревьями, ловя насекомых, а третьи царили на вершине пищевой пирамиды. Это была эра исполинов, они расправляли свои перепончатые крылья, неся на свою добычу пугающую тень. Хищники обрели совершенную форму в водной стихии, где мускулистое тело и острые зубы наводили ужас на их жертв, а иммунитет, выработанный миллионами лет, станет ключевым фактором в их выживаемости среди грядущих эр, где эти существа обретут пугающую славу убийц.

Прячась в густом лесу, скрытное существо, покрытое мелким мехом, остановилось возле образовавшейся в канавке лужицы около корней большого дерева. Существо многократно пробежало здесь, но в этот момент его что-то привлекло. Посмотрев в отражение водной глади, оно увидело ТО, что врезалось серым нечетким изображением в ее видения и остановило вечно возбужденное тело на мгновение, успокоив его страхи и голод. Оно живо, оно дышит и слышит, чувствуя приближение его конца.

Одним движением быстрый ящер с вытянутой пастью, усеянной множеством зубов, схватил это существо. Трехпалый след от хищного динозавра заполнила вода из той самой канавки у большого дерева.

Много перевоплощений, от колонии социальных насекомых до огромного хищного ящера, сотрясавшего землю и наводившего страх на все живое вокруг, происходило от вида к виду, погружаясь в их тела.

Он был стар, последняя его битва произошла в папоротниковом лесу, который он знал как свой дом и место для охоты, когда-то он был царем этого леса. Он встречал на своем смертоносном пути множество самок, которые приумножали его конкурентов. Так однажды в этом лесу появился молодой и сильный ящер, один из его потомков, который сверг царя с его же престола, став полноправным правителем этого леса.

Старый зверь был ранен, и по его крепкой ноге сочилась кровь, с трудом дающиеся шаги оставляли за собой окровавленные следы. Множество попыток утолить свой голод не увенчались успехом: добыча теперь была намного быстрее и сильнее, а боль на его конечности не утихла, и слабость все сильнее и сильнее давила на грузное истощенное тело. Пройдя большое расстояние по зеленой долине, ящер увидел каменистый холм, возвышающийся посреди нее.

На самой его вершине светился яркий силуэт небесного диска. Он медленно, как по чьему-то зову, начал карабкаться вверх, чтобы достичь своего света. Многократно падая на острые камни, он, вставая, продолжал подниматься, пока не оказался на самой вершине этого холма. Но этот диск теперь был над ним, и достать его было уже невозможно.

Позади в небе гигантский объект с грохотом пронзил озоновый слой Земли, проносясь прямо над зеленой долиной. Ящер, распрямившись, чувствовал необычайный для его вида покой, царивший во всем его теле, он будто снимал с себя тяжелое бремя. Удар небесного тела о землю был колоссальным; вспышка озарила всё пространство вокруг; тысячи громов волной прокатились, оглушая зверя. А следом стена поднявшегося грунта от разрастающейся яркой сферы, поднимающейся из-под земли, снесла все живое своим огнем, заточив этих исполинов в слои каменной породы.

Планета была покрыта снегом и льдом, а темные тучи пыли в атмосфере долгое время не пропускали солнечные лучи, и последние следы некогда царивших на земле животных покрывались снегом. Планета меняла свой облик, рептилиям больше не было места на ней; лишь мелкие пушистые зверьки, прячущиеся в своих норках, питаются зернами растений и яйцами некогда живущих здесь ящеров, приспособились к новой жизни на Земле, которая уже формировалась под зарождающиеся виды растений и животных. Они – былые неприметные тени, которые дадут очередной виток существования кайнозойской эры.

Существа, что питали своих детенышей материнским молоком, получили шанс развития; это было время ренессанса млекопитающих животных. Появлялись всё новые виды травоядных, с костяными отростками и внушительными размерами. Верхушкам деревьев уже было не спрятать от них свои сочные листья.

По спине самки индрикотерия пробежали лучи солнца, согревая ее толстую кожу. В ней недавно сформировался эмбрион детеныша, который ей предстоит носить около трех лет. Он будет получать питательные вещества от своей матери до того самого дня, когда его мир неизбежно поменяется и он выйдет на свет. Окутанный влажной плацентой, еще совсем несмышленный и напуганный, он инстинктивно ищет сосок своей матери. Когда ее нет, он прячется от множества хищников в сухом кустарнике, с нетерпением ожидая ее возвращения. Она – это всё, что у него есть в этом непредсказуемом и пугающем мире, где каждое движение теней внушает страх.

Однажды по пути к своему стаду он замешкался, рассматривая маленькую ящерицу, которая, распластавшись, грелась на солнце. Приближение некоего существа напугало ее, и она, махнув своим хвостом, скрылась среди камней. На детеныша бежал темно-серый зверь, на его шкуре виднелись черные полосы, он был свиреп и быстр. Детеныш инстинктивно замер. Но зверь уже обозначил свою цель и неумолимо приближался к ней. Резкий удар своей толстой шеей, и мать отбросила хищника в сторону и встала между ним и своим детенышем. Эндрюсарх, снова вскочив на ноги и отряхнувшись от пыли, опять бросился на детеныша, но не успел к нему приблизиться, как получил еще один удар от крупного самца индрикотерия. На этот раз хищник, хромая, удалился без своей добычи. Детеныш наблюдал, как большие сородичи обнюхивают его, принимая в свое стадо.

Он уже не имел естественных врагов, которые когда-то кружили вокруг него, чтобы им полакомиться. Его размеры тела стали его крепостью. Во время брачного периода он сам был зверем, которого боялись все. Его стадо увеличилось, и уже среди его сородичей бегали маленькие детеныши, поднимая красную песчаную пыль под ногами. Однажды он со своим стадом пересекал невысокое ущелье в поисках нового водоема и столь важной питательной растительности. Старая заводь давно высохла, и растения вокруг нее превратились в острые колючие ветки. Где-то вдали виднелись горы, укрываемые снежными вершинами. Стадо медленно шло по узкой тропе вниз. Он оступился, и его тяжелое тело покатило по ущелью, собирая за собой песок и камни, пока его не остановил большой валун, сломавший ему заднюю ногу.

Яркое светило уже давно скрылось за горами, а большое животное все еще лежало на дне ущелья. Его сородичи скрылись из виду, тропа, извиваясь, исчезала за одним из холмов; они оставили его одного. Он попытался встать, но острая боль не дала ему сделать этого. Прошло еще несколько дней, и, поняв приближение своей участи, животное, собравшись с силами, поднялось. Волоча за собой сломанную ногу, оно направилось к бурлящей реке, что шумела всё это время неподалеку. Подойдя к этому потоку воды, оно нагнулось, жадно глотая ее. Оно подняло свою большую голову над водой, где окруженная круглыми камнями впадина образовала мерцающую от солнца канавку, в отражении которой виднелись плывущие облака и верхушки заснеженных гор. А возвышающееся над лужицей животное замерло, всматриваясь в самого себя.

Очередное изменение климата, и мир застыл в глобальном оледенении перед чем-то новым, что должно изменить саму суть покоя планеты при воздействии солнечных лучей и таяния льдов.

Ее энергия ищет саму себя, цепляясь за ветви дерева и прячась от опасных хищников, что бродят повсюду. Создание, жующее горькие, но питательные плоды, всматривается в рав-

нину, что ведет к высоким деревьям, где можно укрыться и найти пропитание, но сама долина таит в себе большую опасность и преодоление ее внушает большой страх. Всё больше пробуждающееся желание не останавливает существо с длинными передними конечностями и пятью пальцами на них. Его тело покрыто мехом, оно с осторожностью касается ногами земли и быстрым рывком устремляется по равнине к своей новой цели. При беге оно то и дело опирается на свои передние конечности, периодически распрямляясь; оно чувствует более удобное для себя положение. Лес совсем рядом, но неожиданно из него выходит огромная кошка с клыками, как пики далеких скал, что оно наблюдало с самого детства далеко через саванну. Оно припало к земле и замерло в сухой выжженной траве; возможно, это последние лучи солнца, что оно увидит.

Зверь медленно прохаживался вдоль леса, внюхиваясь в потоки воздуха, что кружили по саванне и смешивали в себе разнообразие различных запахов. Плавные движения его лап были такими тихими, что даже хруст сухих веток был еле слышим. Оно уже видит его мощное, мускулистое с ярким окрасом меха тело; он остановился возле него и застыл, всматриваясь во что-то. Его дыхание почти прекратилось, но стук внутри него неугомонно усиливался, выдавая страх, что звучал, как при диком крике среди скал. Что-то резко сорвалось со стороны, и изящное существо с длинными отростками на голове буквально прыгнуло над ним; хищник тут же сбил бедолагу прямо на лету, вцепившись ему в горло и придавив к земле. Оно еще долго лежало, еле дыша, прислушиваясь к рыку зверя, что поедал свою добычу. Яркий диск уже окрасил перистые облака, что тянулись по всему горизонту, в алый цвет, которым покрылась земля рядом с ним. Зверь, вылизав свою окровавленную шкуру, медленно побрел по равнине, покидая место охоты и оставляя остатки своей добычи кружащим над ней падальщикам. Оно с осторожностью подняло голову и привстало. Оглядевшись, синхронно передвигая своими конечностями, оно ползком добралось до леса. Забравшись на первое дерево, что возвышалось над равниной, оно еще раз окинуло ее взглядом. Отведав такой же горький плод, оно погрузилась в сон.

Она лежала на спине, смотря на голубое небо, по которому то и дело плыли облака и проносились мелкие песчинки, кружась над ней, создавая маленькие вихри. Почва в ее ладонях сыпается вниз, подхваченная порывом ветра, уносящимся куда-то на равнину. Она, подхваченная этим же потоком, устремляется за ним, наблюдая, как ее тело отдаляется от земли и она устремляется все выше и выше; равнина становится с ладонь, и вырисовываются силуэты лесов, а каменистые холмы, переходящие в горный хребет, напоминают растрескавшуюся в период засухи почву. Само пространство меняется, и земля уже имеет форму диска, что освещает ее. Красота завораживает, а голубые оттенки и окутывающие сферу циклоны, что движутся по спирали, закручиваясь к самому центру, создают впечатление нереальности. И вот земля уже помещается в ее ладонь, которую она с умилением приложило к ее краям, а множество других светил, мерцаая, отражаются в ее взгляде. Неожиданно огромная кошка с открытой пастью и большими белыми клыками бросается на нее.

Она быстро проснулась от испуга, крепко сжимая ветки, которые держали ее во время сна. Посмотрела наверх, где мерцали миллиарды светящихся точек. Чувство постоянного страха стало каким-то неестественным, как будто его и не было вовсе. Вереница будоражащих мыслей уносила ее назад, в те времена, когда она была совсем маленькой, со своим племенем, которое погибло от рук таких же, как она. Ей тогда удалось спрятаться, и с тех пор она бродит по этой долине одна в поисках пищи и высоких деревьев, что укрывали ее. А сейчас пробудился неистовый поток желания обрести нечто новое, доселе неизвестное ей, познать ТО, что было в ней самой и во всем этом творении, что простиралось вокруг нее. Она долго не могла уснуть, и лишь шуршание веток и далекий крик зверя снова размыкал ее веки.

Утром на том самом месте, где зверь убил свою жертву, она увидела с дерева себе подобного, он обгладывал остатки мяса с костей животного. Он был так же приземист, и от него

шел будоражащий ее запах. В какой-то момент рык зверя спугнул незнакомца, и тот скрылся в пожелтевшем лесу с костью в руках.

Прошло несколько восходов светящегося диска, и всё это время между голодом и страхом появлялся этот необузданный поток, что рвался из нее. Однажды, как это уже было в ее жизни, со стороны высоких гор двигались черные тучи – предвестники нескончаемой воды, ярких вспышек и грозного звука в небе, что пугал ее сильнее всего. Остатки кислого плода она скинула вниз с дерева, наблюдая, как тяжелые тучи сгущаются над ее головой и яркие вспышки в горах освещают эту долину в ночном небе. Пролетающий через нее, как сильный поток ветра, звук вызывал в ней дрожь. Она прикрывала свои уши, прижимаясь к толстым сучьям изголодавшегося по влаге дерева. И снова новая яркая вспышка молнии разрежала небо на сотни частей, ударяясь о землю неподалеку от нее, и в это же мгновение страшный грохот сотряс землю, так что она упала с дерева.

Очнувшись, она почувствовала первые капли воды, падающие на ее лик и скатывающиеся с него вниз, на землю. С увеличением дождя, который стал сплошной стеной, она смотрела на эти изгибающиеся линии воды, идущие от небес. Она увидела зарево, что освещало лес, и почувствовала запах горящего дерева, что тянулся пеленой по кронам деревьев. Пристав, она посмотрела еще раз в сторону этого необычного света, что когда-то пугал ее племя. Но в этот раз она пошла к нему, и шаг ее становился все быстрее и быстрее, пока не перешел в бег, как будто ее что-то подстегивало. Она неоднократно спотыкалась о мокрые сучья и корни деревьев, но, вставая, продолжала бежать, пока лес не расступился и перед ней не оказалась открытая широкая поляна. В ее центре, объятая огнем, полыхало дерево, оно озаряло лес, что был расположен вокруг этого необычного места. Дерево потрескивало, а падающие на него капли дождя превращались в пар, который поднимался, как облако, вверх. Само дерево, казалось, и было тем неутомимым огнем, пугающим всё живое вокруг; его ветви были языками пламени, что врезаются во тьму, а сыплющиеся искры разносит ветер, пока их не накроет другая стихия. Она, замороженная этим зрелищем, посмотрела вниз, где под ее ногами лежал красный плод, что она никогда не видела и не чувствовала его запаха, но он был ее неистовым желанием. Она почувствовала, как по ее ногам течет кровь, и это было не от ран, что она получила раньше, это было само естество. Начавшийся новый репродуктивный цикл ее вида менял ее. Две яркие искорки приближались к ней, вырисовывая силуэт большого существа, который плавно двигался, переставляя свои лапы. Зверь, что страшил ее и убил то несчастное животное, был совсем рядом, но она больше не боялась его, а лишь наблюдала за ним. Он подошел вплотную, обнюхивая ее; у него была крупная голова с большими торчащими клыками, которые отражали огонь, исходящий от горящего дерева. Зверь лишь потерся о ее бедра и, оглянув ее, медленно подошел к лежащему на земле плоду и лег рядом с ним. Взяв его, она, не в силах противостоять этому вожделению, вкусила сладкий плод, и его сладкий сок разлился по ее телу, просачиваясь в каждую клетку ее организма, наполняя его нескончаемым светом, что несет в себе вселенная. Ее волосяной покров облетел с порывом ветра, ноги стали длиннее, бедра округлились, а волосы на ее голове стали гладкими, прямыми, как падающая вода. Разум проснулся вместе с «Я»; древо, что стояло напротив создания, обрело свечение торсионной формы с закручивающимися в бесконечности, умирающими и возрождающимися энергиями.

Он чувствовал ее запах и бежал к горящему дереву – тот самый, кого она видела у леса обгладывающим кости. Он неистово закричал, поднимая вверх руки, пытаясь что-то исправить, но мгновение прошлого возвело высокую стену, что замыкается в каждом разумном существе. Он видел ее красоту и не мог ничего с собой поделать; упав на колени, обливаемый дождем, он смотрел с вожделением на ту, что теперь была недоступна. Лишь зверь прохаживался рядом, поблескивая своей мокрой темной шкурой. Подобрав откушенный плод, он жадно стал его поедать, и лишь гром, как волна, пронесся по долине, сотрясая землю.

Два существа растворялись в энергии тора; обретя познание, они смотрели друг на друга, обуянные страстью и окутанные новым неукротимым страхом потери дикой чистоты.

Глава 2. Междуречье

*О все видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все проищавшем...*

Эпос о Гильгамеше. Таблица 1

Мое появление было как яркая вспышка, что принесло небо. Я не помнил ничего кроме величественных гор, что вечно возвышались надо мной. Когда я поднимался на них, с вершины я видел зеленый лес, за которым у притока великой реки зажигались огни и клубился дым. Для меня это место было запретом, что тяжелыми ставнями заграждал мне путь.

Лежа на мягкой травяной подстилке, я пытался взглянуть в яркое солнце, что слепило меня. Но скоро я привык к его свету и мои зрачки сузились до крохотной точки; светило, переливаясь, играло своими лучами на моей ладони. Мой покой что-то нарушило, и мелкие камешки посыпались мне на лицо. Обернувшись, я увидел быстрого оленя, что промчался от меня вниз по склону. Я тут же устремился за ним, обегая низкорослые деревца, что были мне по пояс, и перепрыгивая через круглые валуны, встречающиеся у меня на пути. В несколько прыжков я взобрался на большое дерево, что свисало над большим ущельем, и, перецепляясь по его сучьям, перепрыгнул на соседнее, соскочил вниз и оказался возле большого притока реки. Скоро прибежал и олень. Увидев меня, он приостановился и, фыркнув, постучал своим копытом о камни; звук из его гортани был как рык льва.

– Я понимаю тебя, что моя хитрость снова превзошла тебя в скорости.

Подойдя к небольшому животному, я приобнял его, и оно потерлось своими рогами о мою руку, с уважением помахав головой. Испив воды, я играючи обрызгал своего друга, а тот в отместку, зайдя в воду, начал стучать по воде копытами, обдавая меня сверху донизу водой. Мой громкий смех отражался эхом, проносясь по ущелью, быстро растворяясь в лесу среди деревьев. Мне нравились его обитатели. Птицы, что пели мне красивые песни по утрам и не давали мне выспаться; семейство быстроногих крохотных пушистых зверьков, что вечно прятались в норах между корнями; бурый громила с крепкими лапами, который их распугивал, лазая на дерево за медом, а потом убегал от роя пчел, что гнали вора до самой реки. Они были моими маленькими друзьями, с которыми я делил эту воду, этот лес и эти горы. Однажды, когда солнце было в зените, я услышал топот, идущий со стороны большой долины с севера. Я вскарабкался на один из каменистых пригорков и увидел давних друзей, что приходят сюда с появления большой воды, которая растекается по своей пойме. Это были животные даже больше для меня, что шли с севера в поисках пищи. Их тела были покрыты густой шерстью, они медленно двигались в сторону зеленых пастбищ.

Я встал на их пути, приблизившись к вожаку, и тот остановился передо мной. Его бивни были закручены в несколько витков, он прикоснулся ко мне своим хоботом. Посмотрев на меня, он протяжно затрубил свою песню; я поклонился, приветствуя их. Стадо побрело дальше, поднимая клубы пыли, а я еще долго наблюдал, как черные спины гигантов скрываются за холмами.

В лесу я часто находил ловушки для животных и ломал их – силки-то были уготованы для моих друзей. Кто-то постоянно развешивал их повсюду, и выкопанные ямы с острыми кольями, что были вбиты на дне, периодически появлялись на моем пути. Но однажды меня разбудило не пение птиц, а крик оленя, и это был голос отчаяния и боли. Я рванул в сторону исходящего звука, где опушка леса примыкала к низовью реки. Приблизившись, я увидел маленького мулу

(человека) в шерстяной набедренной повязке, что стоял возле ямы с длинным копьём в руках. Увидев меня, он опешил и отшагнул в сторону.

– О боги, ты кто? – пятась назад, пробормотал он испуганно.

С трудом разобрал звучание, что исходило из его рта, я приблизился к яме и увидел своего окровавленного друга. Он склонил голову, упершись рогами в один из острых кольев, что пронзили его тело; его дыхание было редким, а движения почти не было, лишь тихий клекот из его горла. От увиденного я пришел в ярость и, взяв первый попавшийся камень, запустил его над человеком. Глыба угодила в дерево, что стояло с ним рядом; от удара дерево сломалось, куски древесины разлетелись в стороны. Споткнувшись, человек упал; перекатившись, он на четвереньках, бросив свое копьё, скрылся в гуще леса. Я аккуратно поднял оленя. Когда я вынимал из него колья, он взревел от боли. Взвалив его хрупкое тело себе на плечи, я побежал изо всех сил к источнику жизни, что находился в глубине леса и всегда помогал мне, когда я испытывал сильную боль внутри или от ран; он неоднократно спасал и моих друзей, что приходили к нему лечиться. Я чувствовал его слабое дыхание на своей шее, теплая кровь текла по моему телу, окрашивая меня в ярко-красный цвет. Проблески солнечных лучей сопровождали меня, прорываясь сквозь листья надо мной. Прибежав к источнику, от которого сорвалась стайка маленьких птиц, испугавшихся моего появления, я остановился, набирая полной грудью воздух. Древнее окаменевшее дерево, что когда-то раскололи боги своей палицей и пробили землю, изъязв оттуда живительную влагу. Я медленно опустил его в воду. Он больше не ревел, как прежде; прохлада воды успокоила его боль, а каменистая канавка воды окрасилась алым цветом, и поток, что стекал вниз, уносил ее вглубь леса, питая корни величественных деревьев, которые будто бы притихли в этот момент, прислушиваясь к нам. Я еще раз взглянул на животное – его глаза застыли, покрывшись холодной пеленой смерти. Что-то сжало меня, как невидимая боль от поражения копьём, а застывшая на моем теле кровь, потрескавшись, давила меня все сильнее.

Долгие ночи напролет я не спал и бродил по лесу. Мои мысли превратились в вереницу нескончаемых вариаций событий и воспоминаний. Я почти не ел, обходясь лишь несколькими глотками воды из источника. Я был как в прострации, я потерял реальность, и мне казалось, что этого мира вовсе нет и быть не могло. Лежа под кронами деревьев, я чувствовал, как каждая травинка касается моего тела; ручей, что шел от источника, огибал меня, как река обтекает гору. Я умывал свое лицо, и отражение менялось: волосы на моем лице стали реже, контуры лица преобразились, стали более отчетливо видны. Снова набрав в ладони воды, я увидел окровавленное лицо человека, что смотрел на меня.

– О боги, кто ты?

Отпрянув, обуянный страхом, назад, я упал, споткнувшись о ветку. А когда снова открыл глаза, передо мной было закручивающееся свечение, что шло от окаменевшего дерева. Эта энергия втягивала в себя тьму земли и, пропуская ее через свое сферическое ядро, поднимала энергию вверх и становилась ярче. В этом мне предстал силуэт необычайной красоты, с изящным телом и длинными черными волосами, по которым свет разливался, словно ручей, бегущий по склону утеса. Она, запрокинув голову, засмеялась надо мной. Я протянул дрожащую окровавленную руку к ней, и свет наполнил меня, погрузив во тьму.

Проснувшись, я почувствовал, как щебетание маленькой птахи у меня над ухом щекочет мой слух. А тоска, что будоражила меня, начала растворяться с увиденным сном. Что-то поменялось, и я понял: эти перемены во мне, и они зовут меня к дальнейшему пути. Направившись снова к источнику, я больше не боялся того прошлого, что пронзило меня острой пикой. Приблизившись к нему, я остановился, увидев прекрасное создание из своих снов. Она в естественном виде своей наготы обливалась прозрачной водой, и эти потоки бежали ручьями вниз по ее черным как ночь волосам, по ее шелковистой коже, огибая окружность бедра, и устремлялись вниз по длинным ногам, впадая снова в узкий ручей. Спрятавшись за молодым фини-

ковым деревцем, я не мог пошевелиться, и даже мое дыхание остановилось на затянувшемся вздохе, будто я боялся спугнуть это мгновение, которое было так зыбко. Мои чувства обострились, и, казалось, вся моя жизненная сила сконцентрировалась в нижней части моего тела, и остановить это я уже никак не мог. Я шагнул навстречу своей гибели, своей страсти и своему инстинкту, что так яростно рвался наружу. Она обернулась и, испугавшись меня, громко взвизгнула, прикрываясь белой туникой.

Я поставил перед собой руки, успокаивая ее, и замер.

– Ты давно за мной следишь? – спросила она, прижав свою одежду к телу.

Я понимал ее, но говорить по-человечьи не мог и лишь помахал ей головой в знак отрицания.

– Тебя же зовут Энкиду. Ты живешь здесь, в лесу? – Успокоившись, она распустила свои волосы, которые прилипли к ее загорелым плечам, словно крылья ворона.

Я кивнул головой, не в силах даже пошевелиться.

– Меня зовут Шамхад, я из города Урука, что обнесен великой стеной. Он очень красив, его построили мы, объединившись племенами, кочевавшими в устьях двух рек.

Она, нагнувшись, вытирала свои ноги, изящно вытягивая носки вперед. Мне казалось, что я вращаю корнями в это место и застыну, как вековые деревья, наблюдая за одним и тем же образом множество дней и ночей. Она подошла ко мне и взяла за руку. От ее прикосновения пробежала волна, что затронула каждую мою клетку. Потянув меня за собой, она пошла по узкой, выстеленной множеством маленьких белых цветов тропинке. Я не помню, как долго мы прогуливались по лесу и вышли к вершинам гор, но это время остановилось, как будто его и не было вовсе. Она говорила о городе людей; о том, как они от кочевого образа жизни перешли к оседлому пребыванию; о посевах различных растительных культур, что приносят хороший урожай, и о землях, насыщающихся от разлива реки. Я с умилением слушал ее, смотря на каждый ее шаг. Она не спеша ступала по каменистой тропе своими белыми карбатидами. Мы не заметили, как наступила ночь и солнце сменилось месяцем, что повис над землей, как рог горного барана. Я показал ей свои места, где я подолгу проводил время, общаясь с животными и птицами; рассказал о гигантах, что проходят здесь с разливом рек, изображая ей рисунки на камне, освещаемом луной. Я был так воодушевлен перед ней, что был готов свернуть для нее эти горы, которые возвышались над нами. Она достала камень темного цвета и ударила им по лезвию своего ножа, выбив после нескольких попыток искру, что подожгла волокнистую мелкую траву. Маленький огонек перерос в изгибающееся пламя, и я отшагнул в сторону – огонь для меня был страхом, поедающим все живое в лесу.

– Не бойся его, теперь он наш союзник, живущий в каждом очаге человека.

Она засмеялась, и ее звонкий смех пронесся по горам, отражаясь в них, словно звенящий гром. Огонь озарил пещеру, в которой я часто укрывался. На ее стенах было множество рисунков, что впоследствии покрывали каменные своды. В них я изображал себя и моих друзей, лес, эти горы и мои переживания во множестве событий. Я показал на один из рисунков, где диск солнца находился посередине большой горы и был луч, что направлялся в лес к окаменевшему дереву, где появился источник, у которого мы встретились.

Шамхад плавно водила своим острым ножом по моей шее, аккуратно обривая мою бороду, периодически смачивая нож в пенном отваре, стоящем у огня. Я настолько ей доверился, что был готов принять смерть от ее рук. Она вычесала мои волнистые волосы, которые обрели цвет темной бегущей волны, растекающейся по моим плечам.

– Ты очень талантлив, я теперь понимаю твою сущность. Нескончаемая любовь простирается из-под покрова зверя, обличая его незримой красотой.

Она положила свою ладонь мне на грудь и притянула меня к себе. Огонь стал разгораться еще больше, как наша страсть вырывалась из этой пещеры и пронеслась по всему горному хребту, долине и лесу, устремляясь от источника к звездам.

Гром разбудил меня. От погасшего костра остались тлеющие угли, которые постепенно меркли в темноте пещеры. Шум дождя наполнял тишину своим шуршанием, а раскаты грома пробегали по горам, словно испуганный табун диких лошадей. Я бежал под струями дождя. Счастье этого момента наполняло мое сердце; я был ветром, что приносит тучи с севера; я был водой, что устремляется по долине на юг; я был потоком, пронизывающим небо и уносящимся к далеким звездам, в которых таилась некая тайна, растворяющаяся в моем сознании.

Шахмад уже проснулась, когда я вернулся. Набрав в деревянную миску воды, я смешал ее с ягодами с зеленых лугов и поставил рядом.

– Ты и впрямь как ребенок. Здесь в одиночестве ты не знаешь бед, что таят в себе новые города, которые постепенно заполняют речную долину. Ненависть и жадность людей приводят их к убийству себе подобных. Однажды тебе предстоит столкнуться с этим, и ты станешь другим, но вернуться сюда ты уже не сможешь.

Она снова раздула огонь, и он маленьким пламенем запылал, унося дым из пещеры, рассеивая его на ветру. Я возбужденно показал на стены и, встав на округлом выходе из пещеры, указал на горы, нависающие над нами, и лес, раскинувшийся у их подножья, на свое сердце, что билось в моей груди теперь для нее.

– Остаааанься, Шахммааада, – вытягивалось у меня с первыми моими человеческими словами. – Остаанься, – повторил я, сев возле нее.

– Энкиду, я – твое первое разочарование и твоя будущая боль. В царстве, в котором я живу, правит жестокий царь, не знающий пощады. Он превращает мужей своего города в беспощадных воинов, а их жены теперь принадлежат ему; он угнетает простой народ, и остановить его некому. Его богоподобие внушает страх людям, его сила – это живительная энергия в его храме, в который он никого не пускает. Долгое время он возвышался над человеком, почти не замечая его у своих ног; никто не смел бросить ему вызов, и лишь единицы храбрецов были им повержены. Его окружают семь волхвов, что поручили возвести великую стену, окружив город.

Когда царь узнал от охотника, что в этих лесах бродит сила, говорящая с природой и способная его победить, он послал меня за тобой, чтобы я соблазнила тебя и привела к нему. Я блудница, что доступна знатным мужам нашего города, моя красота – это мое проклятье от богов, оставивших меня здесь. Мне не скрыться от их взора: в каждом из нас они узнают себе подобных и знают всю историю этой и предыдущей жизни; а главное, я никогда не смогу убежать от самой себя. – Она приостановила свою речь и посмотрела на меня своими миндалевидными глазами, в омуте которых отражались языки пламени. – Имя нашего царя – Гильгамеш, он ждет тебя на поединок. Прости меня, – после небольшой паузы продолжила она и виновато опустила свой взгляд.

Услышав эти слова, я, как опоенный перебродившим соком, рванул из пещеры, убегая прочь от этих речей, от этой девы и от себя самого. Я не помню, сколько и куда я бежал. Разлетающиеся брызги мутной воды от болотистых заводей покрывали с треском ломающиеся кусты и иссохшие мертвые деревья, которые я сносил на своем пути. В какой-то момент поток сильного ветра, что ударил мне в лицо, будто отрезвил меня. Я уселся на покрытый мхом валун, запутавшись в речах Шахмад и в том, что было этой ночью, в своей уже прошлой жизни, в моменте, что привел меня сюда. Потоком неистовой силы налилась моя рука, сломившая толстый сук нависшего передо мной дерева. Увидевшие это олени разбежались, и попытки остановить их не увенчались успехом: они теперь боялись меня.

С рассветом мы с Шахмад вышли из леса, здесь заканчивалась его граница. Я прощался с ним, зная, что моя перемена или смерть вернет меня снова сюда. И лес как будто чувствовал меня, провожая шорохом своих листьев и поклонами ветвей, поглаживая мои ноги мягкой травой с пронесшимся игриво волной ветром. Шахмад смотрела на меня опечаленным взглядом.

дом. В ее молчании была лишь боль, какую она ощутила в той пещере, как некогда она чувствовала ее всем своим сердцем, понимая того, кто рядом с ней. Солнце уже садилось, когда мы пришли в низовье реки, которая огибала с трех сторон город Урук, осветив багряным цветом стены города, которые окружали ветхие лачуги земледельцев, а длинные поля злаковых культур простирались вдоль искусственных ирригационных каналов. При виде меня низкорослые люди в старых набедренных повязках, погоняя различных домашних животных между узких улочек, расступались в стороны и что-то бормотали друг другу, смотря на меня с любопытством. Подойдя к высокой стене, что была украшена фресками с изображениями людей и животных до самого верха, я поднял свой взгляд от изображения к изображению, все выше. Лики царей и богов с расправленными крыльями, как у птиц, возвышались над нами. Два стражника в кожаных защитных доспехах перекрыли нам дорогу.

– Передайте, что Энкиду пришел.

Один из стражников на стене махнул рукой, и тяжелые деревянные ворота начали медленно открываться. За стенами были высокие ротонды и ряд мраморных обелисков, постройки, украшенные фресками и статуями. Виноградники опутывали широкие улицы; торговцы на волах развозили разнообразную утварь в своих телегах. Впереди возвышалось величественное здание с высокими белыми колоннами, что удерживали своды следующих в несколько этажей. Вокруг искусственного водоема, что был выложен разноцветной мозаикой, стояли зеленые пальмы, и пение на них птиц на мгновение перенесло меня в мой лес. Мы прошли между колонн, и нам навстречу вышел человек в яркой тунике, борода которого украшала его подбородок, словно обелиск.

– Ты свободна. – Человек махнул рукой, украшенной множеством перстней.

Шахмад приостановилась, посмотрев на меня, и, накинув на свою голову белую накидку, медленно начала спускаться по каменным отшлифованным ступеням. Человек повел меня по широкому проходу, который то и дело изгибался между гранитных колонн, пока перед нами не открылись большие позолоченные двери тронного зала, стены которого украшала мозаика с изображением бога Энки, что создал великую реку и мир вокруг нее, а высокие скульптуры, стоявшие по всему залу, запечатлели ушедших царей и богов, что правили с ними с незапамятных времен. Мы остановились; тихие приближающиеся шаги были слышны здесь, за толстыми стенами замка, которые не пропускали шума улиц.

– Я слышан о диком божестве, о котором говорят охотники и собиратели, что ходят в леса и горы. О нем говорят как о звере, что их язык понимает и в дружбе с ними пребывает. Но про свой род он забывает, прячась от него в густом лесу, не зная высоких стен Урука и своего царя, что так давно его ожидает. – В зале разносились эхом низкие громогласные слова, бьющиеся об эти высокие стены. Незнакомец ходил между колонн, и его плывущая от пламени многочисленных факелов тень следовала за ним. – А сила твоя под стать титанам, что приходят с севера. Об этом вещают мне люди, видевшие тебя, произнося твое имя шепотом, как в страхе перед чем-то величественным.

Произносивший эти речи был будто позади меня. Я оглянулся, но лишь тень промелькнула за колонну, укрываясь во тьме. Кружась в попытке увидеть его, я видел лишь ускользящий силуэт, пока в одно мгновение передо мной не оказался он, что сбил меня с ног ударом в грудь ногой.

– А ты всего лишь человек, с такими же руками и ногами, но облик твой пугающ.

Он стоял передо мной в позолоченной набедренной повязке; загорелое мускулистое тело его поблескивало от огня, по плечам его раскинулись густые пряди темных волос. Ровная, словно гранитный камень, борода сливалась с волевым подбородком. Я, вскочив, ринулся на него, но тот увернулся от моей руки, и мой кулак пролетел, зацепив лишь его локоны. Он снова нанес мне удар, попав в челюсть, и сбил меня на гранитный пол, что отражал зал, как вода.

– А нет, людям свойственно преувеличивать: я вижу обычного одичалого мулу с таким же, как у всех, страхом, что сжимает его хлипкое тело.

Он подошел ко мне и наступил на мою грудь ногой. Во мне пронеслась волна, которая изливалась, прорвалась сквозь меня, смывая все своим бурным потоком. Схватив Гильгамеша за ногу, я отшвырнул его в сторону. Он, ударившись о стену, упал на пол и, взглянув на меня разъяренно, снова бросился на меня. Мы столкнулись, как два разъяренных буйвола у подножья скал, и казалось, что они затряслись от того столкновения. Мы наносили тяжелые удары, кидали друг друга в стороны и снова сцеплялись в схватке. Наше дыхание стало как пламя, а сердца бились, словно волны о камни. И вот уже, изнеможенные этой схваткой, спустя время мы стояли на коленях друг перед другом, крепко обхватывая руками взмыленные тела, пытаюсь свалить соперника. Но ни один не уступал, пока мы оба не свалились и, лежа на полу, пытались отдышаться, жадно хватая воздух. Нахлынувшая во всем теле боль сдавила обоих в свои тиски. Из моих десен и сбитых кулаков текла кровь; сломанные зубы и ребра ощущались, словно инородные тела.

– Я не ведал такой силы и скорости раньше, – тяжело дыша, проговорил лежащий царь. Один из пажей принес ему воды из ярко-желтого сосуда. Испив, он протянул ее и мне.
– Выпей, это придаст силы и успокоит боль.

Попробовав, я почувствовал ту призрачную неведомую силу, что была и в моем лесном источнике.

Через несколько дней раны, что не давали мне сна, начали быстро заживать. Мягкие постели и светлые палаты, в которых я спал, были мне непривычны, а запах плавящегося пчелиного воска от свечей по ночам стоял повсюду. Лекари, что приходили ко мне, замазывали мои раны и что-то шептали над висящей надо мной тканью с изображением Ану – крылатого бога, что кружил когда-то над моей пещерой. Но стены давили, в них не было простора, я был словно в темнице, не в силах дольше пребывать здесь. Выйдя на свет, которым одаряло меня солнце, я окунулся в озеро, что было создано человеком. На дне его всё те же люди, искавшие благословение богов в украшениях мозаики, говорили о былом, и блики света в движении воды их снова оживляли с рассветом.

Когда я вынырнул, передо мной стоял тот человек, с кем был я в схватке.

– Ну как ты, мой друг? Затворником себя чувствуешь? Ведь двери для тебя не закрыты.

Его яркая туника была украшена серебристыми узорами, а браслет на его руке блестел на солнце, лучи которого тонули в темном камне посередине. Он, присев на край искусственного озера, опустил в него свои ноги.

– Да, эти стены давят меня, и ты, мой враг, стоишь передо мной, одаривая своими благами. Зачем тебе это? – Мои слова звучали все четче: прежде я говорил с самим собой, но после встречи с Шамхад я в корне изменился.

– Начну с того, чем я закончу. Ведь ты не враг мне и я не твой противник, а вести обо мне тебя сюда же привели, и способ был простым – лишь женщина, чьи чары для мужей становятся ядом, и помутневший рассудок мужчины теперь в ее руках. – Он поводил рукой по воде, сжимая кулак, с которого бежали капли. – Вот ее сердце, которое ты пытаешься ухватить, оно тает, и его уже нет в твоей сильной руке, лишь только мысли о былом. Оставь ты эти попытки, ведь ты – как я: сидящий перед тобой – наполовину бог, что создает все эти страсти.

– Мужей ты превращаешь в убийц, а женщин их – в своих наложниц, что ублажают тебя; рабы пашут на полях, и дети сытости не знают. И ты себя считаешь богом и царем, что жизнь других ты в песчинку ставишь?

Я вышел из воды и, как зверь, движением тела отряхнулся.

А он, мне бархатную ткань на плечи положив, сказал:

– Ты вытри спесь свою, пока она не въелась. Мужи мои, что верны мне, с оружием своим не расстаются лишь потому, что врагов сейчас повсюду становится все больше и наживой богатого Урука они не прочь разжиться.

Царь медленно прохаживался подле меня.

– Мужи те – воины, а воинам может противостоять только воин. А что до женщин их, они свободны в выборе своем; в Уруке казни редки. Девы приходят ко мне сами, ища для себя успокоения, одаривая своим телом царя; они открыты для меня, как эти изображения, что повсюду. Земледельцы во благо царства нашего трудятся; чтоб прокормить семью, они встают с рассветом и до заката работают в полях. И каждый знает: в царствовании моем есть справедливость и наказание за провинность. Царем не просто можно быть, родившись на вершине, но с нее ты должен видеть самый низ и быть готовым туда же окунуться. А властью, вверенной мне моим народом, я дорожу, но не держусь во благодости своей. Вся эта жизнь – игра богов, не боле, что будоражит их в скучном безмолвии.

Гильгамеш откинул свою голову назад, улыбнувшись, всматриваясь в небо, по которому медленно, переваливаясь плыли ванильные облака.

– А где моя Шамхад сейчас? – встав тенью перед царем, спросил я.

Но Гильгамеш лишь, молча опустив глаза, удалился.

Шелковая шторка, что плавно качалась в моих покоях, закрывала темное небо, и огни светил за ней снова ожидали моего взора, чтобы показать свою далекую призрачную красоту. Когда ее поднимал поток ветра, тусклый свет тонул во тьме ночи, и лишь огни факелов стражников и костры у домов земледельцев освещали землю. Смех и голоса людей смешивались с мычанием и блеяньем домашнего скота, что приводили домой пастухи. Я долго ворочался, не мог уснуть, пока не услышал шаги вошедшего ко мне.

– Энкиду, я знаю, ты не спишь. Пройдемся, друг, – проговорил Гильгамеш, стоя в проходе.

Мы, молча пройдя по ночному дворцу, вышли за стены Урука.

– Смотри на это творение. Его создавали мулу – люди, которых направляли семь мудрецов, они ходили по земле долгие столетия, охотясь и собирая пищу; освоили злаковые культуры, одомашнили диких животных. Поняв, что могут это делать на богатой равнине среди двух рек, стеной укрылись от племен, что до сих пор странствуют с оружием в руках.

Мы шли мимо домов ремесленников и кузнецов, чьи меха раздували угли, и вырывавшийся дым с искрами улетучивался из печной трубы. Улица заканчивалась, и ее каменистая тропа упиралась в небольшой храм, походивший на маленькую гору с лестничным проемом. Внутри зала горел огонь, освещавший стены все с теми же фресками на них, а идол, что стоял возле огня, имел бычье тело с головой человека и сложенными на спине крыльями.

– Шеду – еще один бессмертный облик, который прячет наши страхи в виденьях ночи.

На деревянных лавках сидели молодые женщины с закрытыми глазами, и в движениях их губ читались мольбы о прощении.

– Иеродулы – блудницы храма. Им всё прощают боги за искренность деяний. Они очистят пороки мужей и разольют через себя этот поток, который без них в дурное перельется. Любить их сложно, судить не нам дано; лишь пропусти, оставь виденье, что скроется за горизонтом лет. Шамхад – я знаю, ты думаешь о ней, мой друг, – она свободна, как они среди людей, но заперта в стенах божественного тела, что так желают многие мужи. А получая, бегут от своего стыда, проклятьями блудницу осыпая, и в объятьях своих жен о ней с вожделием вспоминают.

Гильгамеш замолчал, смотря на языки пламени, которые, устремляясь ввысь, исчезали под сводом храма. Я смотрел на этих женщин, и на их красивых усталых лицах вырисовывался скрытый свет, идущий изнутри, которым они одаривали своих посетителей каждую ночь.

– Завтра, друг мой, я возьму лучших воинов и выдвинусь в кедровый лес, что у подножия гор расположился. Там племя появилось, и оно растет день ото дня, сжигая ближние селенья,

находящиеся в моих владениях. Вожак их грозен, Хумбабой его величают, и говорят, он сильный воин, а кедры его не разобьешь и морем, – прервав наше молчанье, проговорил Гильгамеш, не отрывая своего взгляда от огня. – *Так вместе пойдем, веревку сплетенную не оборвем.* – Я посмотрел на царя, который невозмутимо застыл у пламени, освещавшего его лицо.

Утром у храма царь собрал несколько сотен лучших своих воинов. Их копья поблескивали на солнце, а намащенные доспехи сливались с этим светом раннего утра.

– Воины, вы прошли со мной множество сражений, но сейчас Урук нуждается в защите: с севера пришли дикие племена, что захватили на подступах кедровый лес и грабят наши владения, угоняя людей в рабство. Наше бездействие приведет их к стенам Урука. И спросят наши сыны: где были тогда отцы, когда горели наши села, а наших стариков убивали и жен с детьми уводили в рабство? Не будет нашего ответа, и засмеются над нами боги, создавшие дрогнувших мужей на потеху праотцам. Они построили города и возвели большие стены, а смелости у них нет, тогда зачем они нужны? Пусть правят сильнейшие.

Воины громко закричали, поднимая боевой дух, и это звучание переросло в единый многократный гул, а удары рукоятей мечей о щиты грозно пронесся по всему городу как атрибут решимости и смелости.

Обойдя болотистые низины и переходя вброд разветвления реки, мы с воинами Гильгамеша остановились у берегов залива. Он переливался золотом от солнечного света, и эта яркая, дребезжащая бликами рябь на воде доходила до самого берега от светила.

– Хумбабе и его разбойникам давно приносит дань Элам, что у гор Загрос обосновался. А местный царь, что Иншушинку преклоняется в загробном мире, он покровителем является. На наши земли он давно свою ступню поставил. Изгнать его способны воины, что смерти не боятся и перед Иншушинком не преклонятся. – Гильгамеш прошелся по песчаному берегу залива, обдаваемый пенной водой, бьющейся о его ступни. – *В боях ты сведущ, и сила твоя богам на зависть, а вместе мы непобедимы,* – продолжил царь, взглянув на меня.

Песчаный берег сменился пальмовыми деревьями, которые покрывали эти земли; к вечеру показались горы и зеленый кедровый лес у их подножья.

– Разожгите множество костров: пусть знают, что сын богини Нинсу пришел, готовый к битве. Пусть осветят они края, что дикими зовутся, а город Сузы тяжелым затвором закроет врата и к своим стенам в страхе прижмется.

Воины навалили повсюду кучки дров и разожгли их, создав впечатление большого войска, расположившегося у этих гор.

– А если мы погибнем здесь, кто Урук укроет от бед, которые его застилают? – с волнением взглянул я на царя.

– Есть еще множество сынов, что город защищают. У них там дети и жены, они им жизни посвящают, и врагам там места нет. Отдать в рабы своих детей и жен они не позволят, и потехой для аннануков они не будут: за ними и в царство Иркалла они снизойдут, и кровью богов они стены зальют.

Сквозь узкие листья пальм просачивался свет. Большинство воинов уже встали и надевали свои доспехи, точили о камни мечи и копья. Неподалеку стоял Гильгамеш, всматриваясь в зеленый густой лес. Мы молча подошли к его окраинам. Он покрывал все низовье гор и, как зеленая пелена, поднимался почти к вершинам. Множество ручьев с прозрачной водой бежало повсюду, а движение водорослей на округлых камнях синхронно подчинялось потоку, в котором отблескивали маленькие рыбки, стремительно проплывая между заросшими преградами.

– Ааааааа!!! – раздался сильный крик из глубин леса, соединившийся со множеством голосов. А шум бегущих ног заглушил порывы ветра, играющего между могучих деревьев.

– Вот это мгновение настало, когда наша сила в единстве предстала; врагов она разобьет, как волну у причала.

Мы спешили в три шеренги, за которыми лучники уже с силой натягивали тетиву. Со стороны леса черные стрелы взмыли в небо. Мы, прикрываясь щитами и прячась за деревьями, ожидали этого смертоносного града, который осыпал нас. Пронзая листья, втыкаясь в кроны деревьев и разбиваясь о камни под ногами, пробивая щиты, стрелы вонзались в руки, а не успевшим укрыться впивались в плоть, отчего те с криком падали, схватившись за окровавленные раны. Наш царь махнул рукой, обозначая свой ответ врагам. Лучники запустили свои стрелы, которые, скрываясь в лесу, вызывали всё те же крики раненых воинов противника, смешиваясь с нашими. Я увидел, как отовсюду на нас бегут разбойники Хумбабы, выставив копьё перед собой.

– Сомкните строй, рассекайте копьё, не дайте им возможности усомниться в нашей смелости.

Первые воины Хумбабы ударились о наши шеренги, ломая копьё о щиты, а те, что пробились, были сразу же повержены нашими мечами. Вторая большая волна хаотично приближалась к нам, размахивая изогнутыми мечами. Мы, не размыкая строя, продолжали медленно синхронно двигаться вперед. С разгону противник вклинился в наши ряды, но пробиться вглубь ему не удалось: обученные тактически воины Урука наносили смертельные удары своим врагам, не давая им возможности перегруппироваться. На меня набросились двое разбойников с ветхими деревянными щитами. Первого я с разгону сбил с ног краем щита, а второго поразил мечом в грудь. Гильгамеш, почувствовав задор и боевое воодушевление, ринулся вперед, убивая одного за другим встречающихся противников, рассекая их тела тяжелым мечом. Они уже чувствовали в себе пронизывающий их страх от тех, кто так яростно бьется. Я, уподобившись своему царю, превратился в безумного зверя, что камни разносит; мои враги разлетались в стороны с глубокими ранами, падая замертво. Перед глазами были лишь тени, которые я разрубал. Моя ладонь прилипла к окровавленной рукояти меча, который стал продолжением руки. Меня остановил лишь взгляд Гильгамеша. Он остановил на мгновение свой взор, пристально пронизывая меня им, и я в тот же момент метнул свой меч в его сторону. Царь резко отвел плечо, и в зеркальном лезвии летящего оружия он уловил свой лик. Меч поразил врага, что замахнулся на Гильгамеша сзади. Царь в благодарность лишь моргнул. Остатки поверженного дикого племени разбежались, и лишь немногие, собравшись, готовились к своей гибели, скрывшись в лесу.

Мы тихо шли по величественному лесу, где каждое дерево хранило в себе ушедшую эпоху, подавляя остатки мелких засад, притаившихся на деревьях, что пускали в нас стрелы. Приблизившись к подножью огромного кедра, который возвышался над другими зелеными собратьями и усеял свои торчащие корни множеством шишек, он медленно раскачивался на ветру. Обойдя его, мы увидели старца в зеленоватой тунике и с белой гладкой бородой, сидящего у источника. Поток пробивался из-под корней дерева и растекался в стороны, заполняя поляну множеством журчащих ручейков.

– Вот мы и встретились, дети богов: Бельгомес, утраченное имя, и благородный брат его, забывший в сердцах свое происхождение, ослепший в страстных сплетеньях блудницы. Пролейте ж вы кровь Хумбабы на воду мою, потоки, идущие сквозь всю эту тьму.

Гильгамеш достал свою секиру с золотой рукояткой, на конце которой красовались две противоположные символические пирамиды. Он ударил старца в спину, и тело старика упало в ручей, окропив ствол могучего кедра кровью.

– Но он же старик, и в спину удар! Как можно в благородстве нам оправдаться? – выкрикнул я, схватившись за топор царя.

Он с силой оттолкнул меня, и я ударился о кедр спиной, и тут же над моей головой воткнулась его секира.

– Не смей ее трогать, она – Уту создание! В его горниле она, пламенем объятая, и выкована под ударом молота Энки, прочностью ей нет равных. Рубите вечный тот кедр, и пусть в храме Урука он станет вратами.

Несколько дней воины Гильгамеша расщепляли дерево и готовили его к перевозке из леса к заливу, а там по реке вверх, на юг, до города Урука.

Плоты, на которых сидели наши люди, тянули огромные части мертвого дерева. Река была тихой в ночи, колеблющееся отражение света луны на мелких волнах придавало уныние этой картине и моей печали.

– Энкиду, прости своего царя за это движение ярости, что не угасло во мне после боя. В моих венах течет кровь огненного Утуда, и она горяча; и ты, мой названный брат, схож со мной этим пламенем – я видел твою силу на поле той брани. Ты самый близкий мне среди всех этих мулу, кто меня понимает, а отец наш, призрачный Лиль, ту сущность заполняет. – Гильгамеш положил мне на плечо свою руку.

В Уруке нас встречали как победителей и героев, покоровших хранителя – жестокого Хумбабу. Бревна, которые мы привезли с собой, плотники зацепили в упряжку с буйволами и потащили в свои мастерские, чтобы украсить храм новыми вратами. Когда мы шли по вымощенной дороге к стенам Урука, жители торжественно забрасывали нас листьями множества цветов, и они застилали весь путь, по которому мы шагали. Мы обливались потоками славы, что смешивалась в криках и преклонении перед нами с лучами солнца, играющего на наших высоко поднятых лицах.

С заходом солнца Гильгамеш устроил пир в честь победы. На широкой площади под открытым небом были раскинута столы в несколько рядов, накрытые всевозможной утварью, что еще дымилась после печей и костров; повсюду доносились приятные запахи. Знать и земледельцы собрались за одним столом, распивая крепкие вина; воины и ремесленники находили общий язык от этих яств и дурманящих напитков. А жены военачальников переглядывались с блудницами, что бродили между рядами; разнося в кувшинах крепкие напитки и разливая их, они смиренно улыбались им. Гильгамеш, умывшись и надев на себя яркую позолоченную тунуку, причесав свои волосы, источал мужскую силу и красоту своего стана; он величественно спускался по мраморной лестнице зиккурата к гостям. Я стоял рядом с ним, как его темная тень, смотря на пирующих гостей.

Один из знати прокричал:

– Тост за богоподобного царя Лугаля Гильгамеша, что одолел разбойника Хумбабу, разбив его войска в кедровом лесу! А кедр тот древний, аннуков жилище, предстанет пред нами дверьми в храм Урука, где Уту его озаряет, и победы он Гильгамешу в дальнейшем вещает! – он закричал еще громче, и гости присоединились к нему, подняли свои бокалы, ударившись ими, расплескивая вино.

– Мои братья и сестры! Я хочу еще добавить к сказанному тобой, Априм. Я царь, что реки и горы пересек, дабы с врагом сразиться и секире богов в плоть кедра вонзиться. С ним рядом его братья шагали, и спину царя они прикрывали. Так пусть разольется по ним же та слава, что льется с ваших уст. Но я преклоняюсь пред братом моим, что стоит в стороне и так нелюдим, а сила его под стать исполину, которого аннуки держали в зеленой долине. – Гильгамеш наклонил передо мной свою голову и протянул мне второй бокал. Все восторженно закричали.

– Везите дар царю Урука. И пусть та сила, что в клетке томится, богоподобным будет в смирении храниться.

Буйвол, потряхивая головой, тащил за собой скрипящую повозку. Стоявшую на ней клетку сверху скрывала серая мешковина. Априм демонстративно сорвал ткань и отшагнул в сторону. Внутри клетки разъяренный лев, рыча и оскаливая свои белые зубы, бросался на окружающих, которые держались в стороне и с любопытством наблюдали за ним.

– Вот этот зверь сразил двух ловчих звероловов, а третьего лишил руки. Но мы-то знаем, кто способен усмирить столь буйный нрав.

Все перевели свои взоры на Гильгамеша. Царь, подойдя вплотную к клетке, протянул свою руку к животному, но то тут же попыталось ударить ее своей когтистой лапой. Все демонстративно ахнули. Гильгамеш убрал руку и поймал взгляд зверя. Тот, щетинясь, оголяя зубы, снова зарычал, царапая деревянный пол, оставляя на нем глубокие борозды. Царь, не теряя его взбудораженных песочных глаз, продолжал смотреть на него, пока тот постепенно не начал опускать свою морду вниз; рык стал тише, и животное, поджав хвост, вжалось в угол клетки. Правитель, отодвинув засов, неожиданно открыл клетку. Все разбежались в стороны и притихли. Он медленно протянул руку ко льву; тот еще щетинился на него, но, покорно слушаясь своего укротителя, дал себя погладить по густой рыжей гриве. Все заликовали, восторженно захлопав в ладоши.

Винный дурман уже проник в голову, и гости, смешавшись между собой, о чем-то возбужденно говорили, продолжая пить и вести дискуссию о своих подвигах. Кто-то уже, уткнувшись в дубовый стол, крепко спал; в темноте закоулка пожилой представитель знати жадно обжимал молодую блудницу, а его жена яростно искала его глазами в этой суматохе. Я, взяв с собой кувшин и оставшийся в нем напиток, решил удалиться с этого пира, чтобы залить свое прошлое вином и забыть о былом как о разочаровании, постигшем меня на пике пустой славы. Гильгамеш ликовал в окружении своих людей и дев, что кружились рядом с ним, как мухи. Но не успел я покинуть место пиршества, как появилась красивая женщина в белой тунике, освещенная серебристым светом луны и яркой звездой, сиявшей над ее головой. Она на богиню больше походила, чем на знатную деву, в окружении таких же бесподобных существ в образе юных дев, и среди них была Шамхад. Я замер, не в силах пошевелиться. Все присутствующие вонзились взглядами в появившихся незваных гостей и умолкли. А Гильгамеш, растерявшись, обронил свой бокал, из которого вылились остатки вина.

– Великий царь победу отмечает, лучами славы свой прекрасный лик он умывает, и про меня он забывает в кругу своих друзей и юных дев. – Она подошла ближе и, аккуратно подняв позолоченный бокал, поставила его на стол.

– Иштар, твоя божественная красота мужей пленила. Что за причина снизойти к отбившемуся и непокорному царю? Богам он не подчинившись и высокими стенами огородившись, лишь богу солнца Уту поклоняясь, остался ему верным, куда его свет живет в каждом из нас, не таясь. – Царь посмотрел в темный омут ее больших глаз, в которых множество факелов отражались, как звездное небо.

– Но я пришла не клясть тебя за твои прегрешения пред ними, а разделить со мною жизнь, пока она в тебе не увяла. Стать мужем моим я прошу тебя, и славе твоей не будет конца, а город Урук станет пристанищем творца, и распри мира забудет эта земля. – Она положила на плечо Гильгамеша свою белоснежную руку.

– Я знаю, Иштар, что ты такое и как сильные мужи сгорали дотла в твоих покоях, теряя рассудок, а вместе и душу, которую ты закрывала от них у Ану истока. Твоя красота – мне на погибель, твои сладкие губы – мне в удушенье, а взгляд твой – мне в утопленье. Иди и скажи им, что я не вернусь, а враг, посланный за мной, стал моим братом. – Гильгамеш убрал руку Иштар со своего плеча, посмотрев на меня.

– В гибели старца и кедра вершины, в твоём упоении славой – подлость воина, сразившего в спину Хумбабу, чьи знания этому миру давали возможность ошибки исправить, на истинный путь род людской направить. Но величие твой затуманило разум, и самолюбие, что тешет тебя, скоро увянет. – Иштар блеснула глазами и, плавно развернувшись, пошла прочь с площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.